

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-45-53

УДК 82-32

ОБРАЗ АНТИГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ОТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА К МЕТАФИЗИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ¹

М.В. Ларина (Красноярск, Санкт-Петербург, Россия)

Л.Е. Орешина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Образы культурного героя и антигероя в отечественной словесности второй половины XX в. существенно трансформируются. В прозе традиционализма на первый план выходит бытийная проблематика, при этом вновь актуализируется образ антигероя как представителя человечества, потерявшегося в хаосе истории. Во многом пересекаясь с экзистенциальными поисками традиционализма, метафизический реализм исследует генезис и формы доступного человечеству знания о лежащем вне эмпирического, но мыслимом целом. Исследователи метафизического реализма обращают внимание на стремление авторов переосмыслить наследие русской классики с ее пристрастием к «лишним людям», «парадоксалистам», «маленьким людям». При этом не учитывается пародийный характер образов антигероев метафизического реализма. Данную особенность нам видится целесообразным отследить на примере творчества Ю. Мамлеева.

Цель исследования – выявить истоки и проследить эволюцию образа антигероя метафизического реализма на примере прозы Ю. Мамлеева.

Методология. Используются историко-культурный и структурно-семиотический методы.

Результаты исследования. К концу XX в. актуализируются философские поиски художников слова в попытке осознать и исправить кризисное состояние действительности и мироощущения человека. В результате появляются индивидуальные творческие методы на стыке философии и искусства. Одним из таких методов является метафизический реализм Юрия Мамлеева, описывающий как черты видимой, осязаемой жизни, так и невидимую человеку трансцендентную реальность. Настоящий герой метафизического реализма имеет все черты антигероя: обособленность от мира, близость к смерти – «обрыв в Ничто», болезненную пассивность. Потребность высказаться, описать собственную внутреннюю жизнь определяет форму большинства произведений – «антиисповедь». Патологическое состояние нарратора – основа для создания сюжета отчуждения. Идея чуждости сознания материально-эмпирическому миру в известной мере объясняет выбор специфической позиции: в рассказе «Яма» после перехода героя в пустоту следуют его рассуждения из потустороннего мира. Трагический субстрат повествования сочетается с комическим, пародийным, что позволяет создать образ героя морально ужасного, но способного совершить трансгрессию.

Выводы. Ю. Мамлеев в поисках культурного героя создает, по сути, антигероя, обладающего способностью к движению – персонажа, который хочет познать истинную природу бытия, но в своих поисках зачастую переступает черту. В фиктивном мире автора только такие маргинальные, девиантные герои способны на трансгрессию, которая, в свою очередь, помогает осознать «экзистенцию» в выходе за пределы законопослушного поведения [Зенкин, 2019, с. 74] и двигает, по мысли автора, культуру вперед.

Ключевые слова: антигерой, традиционализм, метафизический реализм, Юрий Мамлеев.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Постановка проблемы. Ключевой фигурой персонажной сферы любой формы повествовательного искусства является *герой* – культурный архетип, перекочевавший в сферу художественного. По замечанию А.В. Кореневского, героический «мономиф» «пронизывает собою все страты культуры и все эпохи» [Кореневский, 2019, с. 11]. Анализируя современную повествовательную практику и связывая ее с глубинной психологией К.Г. Юнга и мифологическими изысканиями Дж. Кэмпбелла, Кр. Воглер в качестве драматических функций-характеристик *героя* выделяет: идентификацию аудитории, развитие, действие и жертвенность [Воглер, 2015, с. 71–72]. Юнг считал, что *архетип героя* является самым древним и самым жизнеспособным из всех, и рассматривал такие религиозные личности, как Будда, Христос или Мухаммед, как различные олицетворения *героя* (в книге «Архетипы и коллективное бессознательное»). Путешествие *героя* – это в конечном счете путь к самоинтеграции, целостности своего психического, телесного и духовного Я. Конечный пункт назначения, который Юнг назвал «индивидуацией», – состояние целостности и завершенности, и оно включает в себя объединение противоположностей. Действительно, *coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей – понятие, заимствованное у Гераклита) является движущей силой в становлении *героя*, которому противопоставлен *антигерой*, то есть субъект, лишенный целостности и предрасположенности к движению [Cybulska].

Обзор литературы. Актуализация *антигероев* в культуре определенного времени является следствием катаклизмов, обрушивающих прежний социальный порядок [Лотман, 2000, с. 29]. В отечественной литературе конца XIX в. антигерой, с одной стороны, продолжает линию байронических героев европейской прозы (например, многих персонажей О. де Бальзака), с другой – обозначает новый ряд – «лишних людей» (начиная с Онегина и Печорина), чье бытие безрадостно, бессмысленно, подчинено условностям. Таковы Иудушка Головлев М.Е. Салтыкова-Щедрина, Николай Ставрогин Ф.М. Достоевского, Позднышев Л.Н. Толстого и множество других персонажей [Горелова, Хлопонина, Безрукова, 2022, с. 181]. Образ антигероя пользовался спросом и в литературе конца XIX–XX в. Мироощущение, аккумулирующее в себе «одинокость, рефлексивность, восприятие мира как враждебного, раздвоение и озлобление, обостренную реакцию на мир, бегство в трансцендентное Ничто, ощущение абсурдности бытия» [Заманская, 2002, с. 33–34], драматизировало сознание персонажа и его отношения с миром. А. Чехов («Скучная история», «Ионыч»), Л. Андреев («Мысль», «Бездна»), В. Маяковский («Облако в штанах») продолжили развивать образ антигероя, создавая его вариации. Значимое место антигерой занимает в парадигме русского постмодернизма в творчестве писателей, в большей или меньшей степени близких ей: Ирина Тараканова в «Русской красавице» В. Ерофеева, Эдичка в романе Э. Лимонова, Зилов в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» и др. Одним из антигероев в постсоветской литературе является главный герой текста В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998).

Основными чертами антигероя можно назвать кризисное сознание, «ничтожность», которая берет начало из постоянной интеллектуальной и эмоциональной потребности персонажа в отрицании законов мироздания. В самораскрытии центральное место занимают мотивы неприкаянности и одиночества, пафос почти тотального отрицания всех предшествующих культурных парадигм.

Актуальность образа антигероя, трикстера в литературе второй половины XX в. объяснима рядом причин [Ковтун, 2022]. В отечественной прозе изображаемый субъект этого периода формировался как полная противоположность герою соцреалистическому: «Вместо передового члена общества воссоздавался социальный и, так сказать, духовный маргинал; вместо победителя – явный неудачник. Высокие цели борца за коммунизм были заменены решением сугубо бытовых проблем; оптимистическое восприятие – трагическим; чувство коллектива – одиночеством; жизненные перспективы – полной безысходностью...» [Мережинская, 2001, с. 57–58]. К концу столетия кризисное состояние европейской культуры вообще отразилось в образах антигероев русскоязычной прозы: непреходящая усталость, духовное аутсайдерство, нелюбовь к ближнему, разрушение казавшихся незыблемыми основ бытия и испытываемое от этого чувство отчаяния. Это обстоятельство обостряет ситуацию, когда действительность не воспринимается объективно, а заново конструируется в литературе, актуализируя философские поиски художников слова в попытке осознать и исправить текущее положение вещей. В результате этого процесса появляются индивидуальные творческие методы на стыке философии и искусства.

Цель исследования – выявить истоки и проследить эволюцию образа антигероя метафизического реализма на примере прозы Ю. Мамлеева.

Методология. Используются историко-культурный и структурно-семиотический методы.

Результаты исследования. Одним из таких методов является метафизический реализм Юрия Мамлеева, описывающий как черты видимой, осязаемой жизни, так и невидимую человеку трансцендентную реальность. Основные философские понятия, которыми оперирует реализм этого типа, вводя их в пространство художественного текста: Ничто, Абсолют, Бездна и т.д. Ключевым принципом для понимания творчества автора становится «метафизика», в основе которой лежит понятие о наличии всеобщей мировой связи. Генезис и формы доступного человечеству знания о лежащем вне эмпирического, но мыслимом целом являются главными предметами исследования. Схожие авторские изыскания Ю. Мамлеев находил в творчестве В. Распутина, считая его одним из тончайших «метафизиков» современности. Свою связь с поэтикой художника-традиционалиста Мамлеев подчеркивал в интервью [Мамлеев, 2019, с. 41–42]. На уровне художественной преемственности переключки находим в «мужских» образах антигероев Распутина: «маленький и прибитый», безвольный пьяница Илья, сын старухи Анны («Последний срок»), дезертир Андрей («Живи и помни»), «архаровец» Петруха («Прощание Матерой») [Ковтун, 2022, с. 5–17]. В антигероях Распутин акцентирует шутовское (Илья, Петруха), оборотническое (Андрей) начала, выводя на передний план поэтику inferнального [Ковтун, Степанова, 2014]. Данный принцип будет реализован и в прозе Мамлеева.

Ведущим приемом создания художественной картины мира автора является оксюморон, позволяющий объединить контрастные типы: «...ужасное как эстетическая категория взаимодействует у писателя с комическим, необычным, странным, страшным, сновидческим», – отмечает Н. Нагорная [Нагорная, 2006, с. 191]. Метафизический принцип отражается в выборе писателем особого нарративного ракурса. В рассказах «Многоженец», «Яма», «Дневник молодого человека», «Ваня Кирпичников в ванне», «Тетрадь индивидуалиста» в роли рассказчика выступает патологически болезненная личность. В повествовательной перспективе сознания рассказчика действительность принимает вид бессмысленно-алогичный, иррациональный.

Присущая антигерою обособленность от мира проявляется в характеристиках нарратора, социальные связи которого ослаблены или сведены к условным позициям: сосед, коллега, муж. Неопределенность семейного статуса, профессии, возраста, места деталей, определяющих психологическое поведение и социальные установки, рисует абстрактный, унифицированный образ. Показательно, что текст «Многоженец» имеет подзаголовок «Рассказ отчужденного человека».

В дневниковых записях повествователей присутствует исповедальное начало, но их признания – это непокаянная исповедь, так как антигерою Ю. Мамлеева – человек, который ищет не бога, а выход в Абсолют. Повествователь в рассказе «Тетрадь индивидуалиста» говорит: «Смерть вошла в мою душу вместе с первым поцелуем матери. Причем смерть жестокая, “атеистическая” – обрыв в *ничто*» [Мамлеев, 2019]. В этом видится параллель с классическим образом «Парадоксалиста» Ф.М. Достоевского, исповедальное высказывание которого Д.В. Васильев определяет как «антиисповедь». Для героя «антиисповедь» – высказывание – это, как ни странно, попытка преодолеть отчуждение, выйти к людям, что получается сделать только в пространстве создаваемого самим героем-нарратором текста. Вскрывая собственные гордость, стыд, дурные мысли и поступки, презрение к людям и одиночество, самоуничижаясь и самовозвеличиваясь одновременно, «подпольный человек» в своем монологе моделирует страшный, перевернутый мир изнанки человеческого бытия [Васильев, 2019, с. 118]. Картина мира антигероя не предполагает наличия такого начала, несущего в себе аксиологические ориентиры, что делает любые покаяния бессмысленными, девальвирует ценность раскаяния. «Исповедуясь», персонаж Мамлеева описывает постепенный выход из эмпирической реальности и погружение в мысли о привлекательности смерти или в гротескно-абсурдную картину мира, созданную воображением [Романовская, 2013, с. 60].

Патологические состояния нарраторов – основа для создания сюжета отчуждения. Идея чуждости сознания материально-эмпирическому миру объясняет выбор специфической позиции: в рассказе «Яма» после перехода героя в пустоту следуют его рассуждения из потустороннего мира. Частотное использование многоточий свидетельствует об ослаблении мыслительных операций: *Здесь все так же глухо заколочено, как и в земном мире... Нет милых частностей, запаха цветов, плеска воды... Все обнажено и подчинено всеобщему. Я еще могу продолжать мой рассказ, но скоро наступит и мой черед... Так же как на земле,*

постепенно распадается на части и растворяется в окружающем наш труп, так же и здесь распадается душа. Разваливается, как гниющий череп... [Мамлеев].

В «Многоженце» эта фрагментарность мышления выражается в описании жены рассказчика, образ которой расщепляется на четыре ипостаси: горячая, холодная, сонная и полоумная. Персонаж уверен, что взаимодействует с разными женщинами. Общение с каждой по отдельности соответствует определенным моментам его жизни.

В «Дневнике молодого человека» также представлен диегитический нарратор. Название произведения отсылает к классике: «Дневнику лишнего человека» И.С. Тургенева. Форма дневниковых записей позволяет максимально точно продемонстрировать психологическое, эмоциональное состояние персонажа, так как эти записи обращены к себе, не предполагают нарочитого шутовства или благообразия. Чистый лист – единственный собеседник героя. Основной мировоззренческий тезис персонажа: «...если человек не может быть сам счастливым <...>, то единственное, чем можно себя компенсировать, – сделать несчастливыми других. В этом я и вижу свою специальность и смысл жизни» [Мамлеев]. Текст завершается комичным перечнем зол, с помощью которых герой намеревается сделать несчастными других: «1) удавить котенка Лебедевых, 2) плюнуть в чужую кастрюлю, 3) испугать старушку, 4) подглядеть в щелку, 5) пустить по квартире две сплетни, 6) написать анонимку Брюхову...» [Мамлеев]. Несмотря на анекдотичность записей, образ рассказчика сохраняет враждебность, неприглядность. Персонаж с наслаждением наблюдает за людскими страданиями, не упускает возможности сделать подлости, мерзости разных масштабов (от толкания прохожих до подбрасывания анонимной записки женщине, в которой сообщается, что она больна раком). Однако стоит отметить, что герой не способен на убийство человека: «...убийство не подходит для моего характера» [Мамлеев]. В этом тексте можно наблюдать приверженность Ю. Мамлеева тому направлению русской литературы, которое занимается художественным осмыслением зла как активного и нередко доминирующего начала в душе человека. Стремление героя служить самодовлеющему злу мешает исследовать метафизическое бытие.

Фабульной основой для «Тетради индивидуалиста» является «гаденькое покаяньице», интерес к смерти, которые и приводят героя на кладбище на краю Москвы.

Мировоззрение повествователя базируется на идее смерти как избавления от земного бренного бытия: *Жизнь была настолько мрачна своей безысходностью и материализмом, своей животной тупостью и ясностью, что Смерть – единственная, видимая и ощущаемая всеми, Великая Тайна, причем тайна, бьющая по зубам, – являлась настоящим оазисом среди этого потока декретов, овсяной крупы, телевизоров и непробиваемой “логики”*» [Мамлеев]. Гипертрофия противоестественных желаний и чувств обусловлена не только особым вниманием автора к описанию пограничных состояний и ситуаций, но и постмодернистским приемом – игрой, в частности с помощью пародии. В тексте можно найти множество интертекстуальных отсылок к повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». *Поганенький я все-таки человечико* – это парафраз предложения «Записок из подполья»: *Я человек больной... Я злой человек.*

Непривлекательный я человек. Пародийность прослеживается и на уровне стилистики. С помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов образуется интонация сентиментально-трогательного умиления собой, собственными мыслями и чувствами: *гробики, пивнушечка, каждый кустик становился чертиком, покойнички.* С ними контрастируют лексемы с похожими суффиксами, но негативно-отрицательным значением: *душонка, человеченка,* которые передают презрительное, уничижительное отношение нарратора к людям. В тексте обыгрывается интонация самоумиления, демонстрируя метание героя между самобичиванием и крайней степенью индивидуализма [Романовская, 2013, с. 63].

Активно используются эпитеты. Ф.М. Достоевский обращается к определениям, передающим чувства героя, дающим оценку: *гадчайшая петербургская ночь, подленькое наслажденьице, унижительная бесцельность.* В тексте Ю. Мамлеева эпитеты демонстрируют патологичность персонажа: *неврастенично-гнойные раны, одинокие шизофренические комнаты, идиотически радостные голоса, изломанно-шизофренические сцены.* В каждом случае эпитеты обладают выразительной функцией, повествованию придают эмоциональности, приближают читателя к восприятию картины мира персонажа. Но в рассказе «Тетрадь индивидуалиста» они глубже раскрывают патологичность повествователя.

Таким образом, основными чертами мамлеевского антигероя становятся отрешенность от собственного тела, от людей и от «живой жизни». Решительное разделение антигероем материальной и духовной составляющих жизни приводит к явлениям психопатологического характера. Распад человека на «я» и «мое тело» является сюжетным фундаментом для многих текстов автора. Такое расщепление «раскалывает собственное бытие индивидуума на две части таким образом, что ощущение Я развоплощается и тело становится центром в системе ложного Я... утратив мир и себя как целое, человек Мамлеева сосредоточивается на физическом образе...» [Заманская, 2002, с. 286–287]. Тело Вани Кирпичникова, по его ощущениям, живет своей, отдельной от героя жизнью: *За мной собственное тело, голое, с топором по улице гналось... бежим – я с криком, а тело молча, за мной...* [Мамлеев]. Текст Ю. Мамлеева вписывается в парадигму литературы о «голом человеке», пародирует идею *homo sacer* – человека без свойств, в его биологическом состоянии.

Выводы. Подводя итог, можно заключить, что Ю. Мамлеев в поисках культурного героя создает, по сути, образ антигероя, обладающего способностью к движению – персонажа, который хочет познать истинную природу бытия, но в своих поисках зачастую переступает черту. В фиктивном мире автора только такие маргинальные, девиантные герои способны на трансгрессию, которая помогает осознать свою «экзистенцию» в выходе за пределы законопослушного поведения [Зенкин, 2019, с. 74] и, по мысли автора, двигает культуру вперед.

Библиографический список

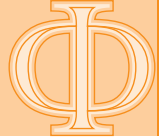
1. Васильев Д.В. Роль архетипа трикстера в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» // Вестник Таджикского педагогического университета. 2019. № 4 (81). С. 136–144. URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=31830

2. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
3. Горелова Т.А., Хлопонина О.О., Безрукова О.В. Динамика системы «Герой – Антигерой» в истории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. С. 179–197.
4. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
5. Зенкин С.Н. Законы трансгрессии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 4. С. 59–74.
6. Ковтун Н.В. Герои-мужчины в поисках мудрости (на материале прозы В.Г. Распутина) // Сибирский филологический форум. 2022. № 3 (20). С. 4–19.
7. Ковтун Н.В., Степанова В.А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина: дуализм психически-интеллектуальных доминант // Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 7–14.
8. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (на материале русской прозы второй половины XX–XXI века): монография. М.: ФЛИНТА, 2022. 408 с.
9. Корневский А.В. «Герой нашего времени» в саду расходящихся тропок // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 8–30.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
11. Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Русская электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (дата обращения: 08.11.2023).
12. Мамлеев Ю.В. Статьи и интервью: сб. М.: Традиция, 2019.
13. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80–90-х годов XX века. Киев: Киевский университет, 2001. 433 с.
14. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. М.: МАКСПРЕСС, 2006. 260 с.
15. Романовская О.Е. Постмодернистская версия антигероя в рассказах Юрия Мамлеева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 23. С. 59–64.
16. Cybulska E. Nietzsche's Übermensch: A Hero of Our Time? // Philosophy Now. 2012. № 93 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/337155113_Nietzsche's_Ubermensch_A_Hero_of_Our_Time (дата обращения: 10.10.2023).

Сведения об авторе

Ларина Мария Валерьевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); e-mail: m_larina@yahoo.com

Орешина Любовь Евгеньевна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: orëshina_1999@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-45-53

THE ANTIHERO IMAGE: FROM TRADITIONALISM TO METAPHYSICAL REALISM

M.V. Larina (Krasnoyarsk, Saint Petersburg, Russia)

L.E. Oreshina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The image of the antihero in Russian literature of the second half of the 20th century has changed significantly. In the prose of traditionalism, existential problems come to the fore, while the antihero is revived as a representative of humanity lost in the abyss of history. In many ways overlapping with the existential quest of traditionalism, metaphysical realism explores the genesis and forms of knowledge available to humanity about the whole that lies beyond the empirical but conceivable. Researchers of metaphysical realism pay attention to the authors' desire to rethink the legacy of the Russian classics, with its predilection for *superfluous people*, *paradoxalists*, and *little people*. This does not take into account the parodic nature of the anti-heroes of metaphysical realism. We consider it expedient to trace this peculiarity in the work of Y. Mamleyev.

The purpose of the article is to identify the origins and trace the development of the image of the anti-hero of metaphysical realism, to consider the peculiarities of the poetics of the method on the example of Y. Mamleyev's prose.

Methodology. Historical-cultural and structural-semiotic methods are applied.

Research results. At the end of the 20th century, the philosophical searches of literary artists are actualized in the attempt to realize and correct the crisis state of reality and human worldview. As a result, individual creative methods appear at the intersection of philosophy and art. One of such methods is the metaphysical realism of Yuri Mamleyev, which describes both the features of visible, tangible life, and the transcendent reality invisible to a man. The hero of metaphysical realism has all the characteristics of an anti-hero: isolation from the world, proximity to death – “a precipice into nothingness”, painful passivity. The need to express oneself, to describe one's inner life, determines the form of most of the works – the first-person “anti-confession”. The pathological states of the narrators are the basis for creating the plot of alienation. The idea that consciousness is alien to the material-empirical world explains the choice of a specific position: in the story “The Pit”, the hero's transition into the void is followed by his reasoning from beyond. The tragic substratum of the narrative is combined with the comic, parodic, which makes it possible to create an image of a hero who is morally terrible but capable of transgression.

Conclusions. Yu. Mamleev, in search of a cultural hero, creates, in essence, an antihero with the ability to move – a character who wants to know the true nature of being, but often crosses the line in his search. In the fictitious world of the author, such marginal, deviant heroes are only capable of transgression, which in turn helps to realize their “existence” in going beyond law-abiding behavior [Zenkin, 2019, p. 74] and moves the culture forward, according to the author.

Keywords: *antihero, traditionalism, metaphysical realism, Yuri Mamleyev.*

References

1. Vasiliev D.V. The role of the trickster archetype in the story “Notes from the Underground” by F.M. Dostoevsky // Vestnik Tajik Pedagogicheskogo Universitet. 2019. No. 4 (81). P. 136–144. URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=31830
2. Vogler K. The writer's journey. Mythological structures in literature and cinema. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2015.

3. Gorelova T.A., Khloponina O.O., Bezrukova O.V. Dynamics of the system “hero – antihero” in the history of culture // Knowledge. Understanding. Awareness. 2022. No. 2. P. 179–197.
4. Zamanskaya V.V. Existential tradition in Russian literature of the twentieth century. Dialogues on the borders of centuries. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 304 p.
5. Zenkin S.N. Laws of transgression // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. III, No. 4. P. 59–74.
6. Kovtun N. Male heroes in search of wisdom (on the material of V.G. Rasputin's prose) // Siberian Philological Forum. 2022. No. 3 (20). P. 4–19.
7. Kovtun N.V., Stepanova V.A. The problem of gender identification of male images in the work of V. Rasputin: the dualism of mental-intellectual dominants // Philological class. 2014. No. 2 (36). P. 7–14.
8. Kovtun N.V. Trickster as a hero of our time (based on the material of Russian prose of the second half of the XX–XXI centuries): monograph. Moscow: FLINTA, 2022. 408 p.
9. Korenevsky A.V. “The hero of our time” in the garden of diverging paths // New Past. 2019. No. 1. P. 8–30.
10. Lotman Y.M. Semiosphere. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000.
11. Mamleyev Y.V. Collected works. Russian electronic library [Electronic resource]. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (access date: 08.11.2023).
12. Mamleyev Yu.V. Articles and interviews. Collection. Moscow: Tradition Publishing Group, 2019.
13. Merezhinskaya A.Y. Artistic paradigm of the transitional cultural epoch: Russian prose of the 80–90s of the XX century. Kiev: Kiev University, 2001. 433 p.
14. Nagornaya N.A. Oneirotransfers in Russian prose of the XX century: modernism, postmodernism. Moscow: MAXPRESS, 2006. 260 c.
15. Romanovskaya O.E. Postmodern version of the antihero in the stories of Yuri Mamleyev // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2013. No. 23. P. 59–64.
16. Cybulska E. Nietzsche’s Ubermensch: A Hero of Our Time? // Philosophy Now. 2012. No. 93 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/337155113_Nietzsche's_Ubermensch_A_Hero_of_Our_Time (access date: 10.10.2023).

About the author

Larina, Maria Valeryevna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after S.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia); e-mail: m_larina@yahoo.com

Oreshina, Lyubov Evgenievna – MA Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after S.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: oreshina_1999@mail.ru